

Элиза Малэк

"Гистории о разных куриозных и амурных случаях" : неизвестная стихотворная диалогия второй четверти XVIII в.

Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 2, 23-46

2000

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЭЛИЗА МАЛЭК
(Лодзь)

**ГИСТОРИИ О РАЗНЫХ КУРИОЗНЫХ И АМУРНЫХ СЛУЧАЯХ
НЕИЗВЕСТНАЯ СТИХОТВОРНАЯ ДИЛОГИЯ
ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.**

Судьба памятников древних литератур, особенно тех, которые сохранились в единственных рукописных копиях, незавидна. Она во многих случаях зависит от выгодного стечения многих обстоятельств. Случается, что рукопись столетиями пылится на полках архивов, что исследователь, взяв в руки манускрипт, переписанный неразборчивым почерком, не обратит внимания на не известный ранее текст, а если и отметит его существование, то не найдет времени, чтобы правильно оценить его значение.

К числу памятников, обойденных вниманием исследователей русской литературы, относятся *Истории о разных курioзных и амурных случаях*, затерявшиеся в рукописном сборнике-конволюте 40-х годов XVIII в. из собрания Российской национальной библиотеки (далее: РНБ) в Санкт-Петербурге (шифр: Q.XIV.27). В состав этой стихотворной дилогии входят две повести, написанные без сомнения русским автором, хорошо ознакомленным с переводной фацецией и любовными авантюрными повестями конца XVII – начала XVIII в. Первая из них, озаглавленная *О некоторых двух товарищах, которые между собою дружески жили, занимает листы 68–76 – вторая, получившая наименование О дворянском сыне, читается на листах 77–85.*

Несмотря на то, что сборник, содержащий *Истории о разных курioзных и амурных случаях*, довольно давно известен исследователям¹, интересующая нас стихотворная дилогия не была до сих пор (если не

¹ Он был, например, известен В. П. Адриановой-Перетц, которая еще в 1937 г. издавала по нему стихотворную редакцию *Сказания о куре и лисице*. Ср.: В. П. Адрианова-Перетц, *Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века*, Москва-Ленинград 1937, с. 191–197, 201–224.

считать беглого упоминания Е. Д. Кукушкиной об использовании сюжета фацеции *О сницаре и плотном истукане* в повести *О некоторых двух таварыщах*²) предметом более детального изучения, а между тем она представляет, как мы постараемся показать, известный интерес для историка русской литературы.

Прежде чем приступить к характеристике стихотворных повестей из интересующего нас сборника, мы вынуждены вкратце пересказать их содержание. Итак, первая из них рассказывает о двух приятелях (видимо, из служащих, так как дальше говорится, что один из них потерял мундир), которые, придя с заказом к сапожнику, увидели „жену ево красноличну, // Во всех поступках политичну” и стали думать, как получить ее любовь. Приятели договариваются действовать по очереди и помогать друг другу. Один из них приходит в дом красавицы, улучив время отсутствия супруга, и говорит о желании обоих, но, заметя ее колебание, забывает о друге и спрашивает: „Можеш ли хотя мне любовь свою явити?” [выделено мною – Э. М.]. Красавица поначалу притворно обижается, говоря, что она любит своего мужа, что он приводит ее „в великое погрешение”, но скоро соблазняется обещанной наградой и с почти детской непосредственностью спрашивает: „Чем изволите подарить меня прежде?” „Любитель” дает ей 25 червонных, а

Она ж, взяв за руку, с сабой ево повела
И во особливую комнатку привела.
И друг друг любовь свою объявили,
Желаемое себе веселие учинили. (л. 69 об.)

Вернувшись домой, счастливый любовник рассказывает другу о своей удаче и советует ему таким же образом искать себе счастья. Жена сапожника, которая просила „содержать оное в секрете”, решает отомстить обиду. Поэтому притворно соглашается принять нового „любителя” ночью, а с мужем договаривается, что тот якобы внезапно вернется домой и поможет ей ограбить и осмеять нежелаемого любовника. Дальше все происходит по сценарию, позаимствованному анонимным автором из фацеции *О сницаре и плотном истукане*³: жена сообщает „любителю” о возвращении мужа и голому приказывает стать в углу, а супругу говорит, что „В сад купила алебастрового болвана”. Когда муж решает расписать его красками и ножичком

² Ср.: Е. Д. Кукушкина, *Переводная повелла в рукописных сборниках XVIII в.*, [в:] *XVIII век, сб. 14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте*, Ленинград 1983, с. 190–191.

³ Ср. публикацию фацеции в сборнике: *Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая*, Москва 1989, с. 111.

проверить прочность алебастра, любитель со срамом убегает, а потом делает все, чтобы отомстить обиду. В результате все участники „игры” посрамляются, а рассказчик заканчивает повествование информацией, что те, кто „Друг друга хотели в обман ввести, // Принуждены неразлучно на себе стыд нести”. И, как бы показывая действенность полученного „урока”, сочиняет своеобразный эпилог, из которого читатель узнает, что оба героя остепенились и завели себе законных супругов: „Более и от других любви не искали, // Но законных супругов себе достали”.

Героem стихотворной повести *О дворянском сыне* является Леополд, сын знатного французского дворянина, который „Отпросился в другие государства гуляти”. Приехав „в иное государство”, он начинает жить „по тамошнему манеру”: снимает богатый дом, заводит знакомства, ездит в оперу, где встречается и пленяется любовью к прекрасной Марьяне, не зная, что „оная девица одного купца возлюбляла, // А протчих славных дворян испровергала”. После спектакля Леопольд, увидев, что Марьяна собирается сесть в свою карету, предлагает ей со всей учтивостью свои услуги и провожает ее домой. Марьяна отвечает комплиментами на подарки и признания иностранца, и, уверившись в искренности его любви, произносит пространный любовный монолог и приглашает его в свой дом на следующий день, обещая исполнить все его желания. Леопольд не может дожидаться утра, чтобы вновь увидеть возлюбленную, а она тем временем встречается со своим „любезным другом” Редором и готовит Леопольду верную смерть. К счастью, отправляясь к „любезной”, Леопольд берет с собой верного слугу, который, зная коварство Марьяны, осмеливается дать своему господину совет, спасший ему жизнь. Следуя указаниям слуги, Леопольд привязывает к полотну, спущенному из окна Марьяны, камень, и убеждается, что Редор с Марьяной

[...] скоро полотно ножem отрезали.
Камень упал, стукнул громко,
А Леопольд нарочно охнул звонко,
По чему они известны были,
Яко бы Леопольда до смерти убили.

Избежав верной смерти, Леопольд решает отомстить обиду. Дождается времени, когда Редор спустится из окна любовницы, и прокалывает его шпагой. Через некоторое время Марьяна находит мертвое тело, в котором с ужасом опознает своего возлюбленного. Оплавав его смерть, приказывает слугам похоронить его в тайном месте. Когда же спустя некоторое время едет в кирку, ее встречает Леопольд и, как ни в чем не бывало, благодарит за „изъявленную

мильность". Потом же публично ее посрамляет (по-видимому, рассказывая о ее поступках – в рукописи недостает одного листа), вследствие чего Мариана „всегда была в поношении // И девической чести лишении". Отомстив лукавой любовнице, герою возвращается в родительский дом, находит себе „другую невесту" и живет с ней „неразлучно".

Интересен литературный конвой „гисторий о курioзных и амурных случаях". Они помещены рядом с любовно-авантюрной *Повестью о Евдоне и Берфе*, действие которой локализовано во Франции (лл. 10–65), античным по происхождению любовным романом с мотивом порочной, инцестуальной любви (*Гистория о Аполлоне, короле Тирском, и о королевно Тарсии*, лл. 54–99), стихотворными жартами *О купцовоу жене и о приказчике* (на сюжет Хитрая баба – бабы увертки) и *О непостоянной жене* (на сюжет Жена подменяет себя соседкой) из цикла так наз. забавных жарт первого типа (лл. 88–88 об. и 91–94)⁴ и стихотворной редакцией *Сказания о куру и лисице* (32–52), получившей дополнительное название: *Курioзные действия Кура и Лисицы*. Как видно, все вошедшие в сборник тексты объединяет интерес составителя к „амурным", „курioзным" или „курioзно-амурным" сюжетам. Правда, его увлечение текстами „забавных жарт" о женских увертках не пришлось по вкусу безымянному читателю, оставившему свои пометы рядом с жартой *О непостоянной жене*. Одна из них гласит: „Кто будет звать не о постоянно[й] жене читать, тот будет самая каналья". Зато тот же читатель рекомендует чтение повести *О дворянском сыне*, приписав на л. 85 следующие слова: „Если кто будет читать о дворянском сыне, тот достойный будет человек и быть так жить и тому вечно служить".

Кем же был автор *Гисторий о разных курioзных и амурных случаях*, мы, к сожалению, сказать не можем, так как рукопись явно не является автографом (в тексте повестей встречаются некоторые описки и механические смысловые пропуски), к тому же автор, видимо, принадлежал к числу тех сочинителей, которые не заботились о своей писательской славе и – следовательно – не помечали именем своих „творений". Не заботясь о своем индивидуальном почерке, он тем самым дал возможность соотнести его стиль и манеру излагать расхожие сюжеты с манерой и стилем современных ему авторов, выявить то общее, что роднит его с „цехом" таких же анонимных грамотеев, перелагавших в стихи прочитанные или услышанные „истории".

М. Плюханова вполне справедливо назвала первую половину XVIII в., к которой относится возникновение изучаемых повестей, „эпохой виршей, силлабика, а также эпохой наррации, поскольку она отличается

⁴ В списке РАН, собр. Титова, № 4781 они помещены рядом под № 21 и 22.

небывалым развитием повествования, потом утратившим свои позиции"⁵. В самом деле, писатели того времени (особенно писатели низовые) стараются записать как можно больше выдуманных ими самими или (значительно чаще) пересказанных кем-то, услышанных где-то, скомпонованных из имеющегося в их распоряжении материала забавных, занимательных повествований. Часть из них пользуется прозой (она характерна для прежде всего рыцарско-богатырской псевдоисторической тематики⁶), но другая (и не малая), считающая, что само облечение незамысловатого рассказа в стихотворную форму уже означает придание тексту литературного статуса, избирает форму нестрофического стиха с парной рифмовкой. К числу последних относится и анонимный автор нашей дилогии.

Обе повести ближе всего к группе так называемых фигурных жарт, известных по сборнику Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (далее: РНБ), колл. Титова, № 1627, как по своему фривольному характеру, любованию эротикой, так и по пристрастию к созданию (или обработке) сюжетов, главные повороты которых проявляют хитрость героев, умение улучшить время и перехитрить противника, добиться своей цели „фигурою“, т.е. с помощью хитрости и обмана.

С жартами роднит названные повести и форма стихотворной речи, носившей „следы влияния того прибаутчного стиха, который еще в XVII веке организовал ритмическую речь многих произведений демократической сатиры, а в XVIII веке продолжал развиваться в балаганных представлениях, в кукольном театре, в зызываниях ярмарочных продавцов и юмористических [...] пародиях"⁷, и те же рифмы, что в жартах. Так, например, чтобы охарактеризовать жену сапожника, анонимный автор повести *О некоторых двух товарищах* рифмует слова „краснолицну – политичну“, „доброте – красоте“: „И усмотрели жену ево краснолицну, // Во всех поступках политичну“ (л. 68); „Видя в такой презрядной доброте, // В цветущей в младых letech красоте“ (л. 68 об.). Точную аналогию первой паре рифм находим в жарте *О непостоянной жене* (на сюжет Муж в платье жены, избитый любовником), героиней которой является слывущая красотой и „хорошими манерами“ жена некоего кушца. Сравним:

⁵ См.: М. Плюханова, *Сказ и песни у Чулкова и в „Повести о Каине“*. Реформа прозы, [в:] *A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*, Gargnano, 1994, ed. M. Di Salvo and L. Hughes, Roma 1996, s. 230.

⁶ Ср.: Там же, с. 232.

⁷ В. П. Адрианова-Перетц, *Фольклорные сюжеты стихотворных жарт XVIII века*, [в:] *Из истории русских литературных отношений XVIII–XX веков*, Москва–Ленинград 1959, с. 50.

Знатной купец слухом известился,
Такова куша на жену прелестился,
Что она весьма краснолицна,
А поступками зело полатычна⁸.

Аналог второй отыскивается в жарте с таким же заглавием, но на сюжет Жена подменяет себя соседкой, где о некоей жене говорится, что она „находилась в презрительной доброте, // В цветущей младости и красоте”⁹. Примеры подобных совпадений можно, разумеется, умножить, но и этих достаточно, чтобы показать близость анонимного автора к кругу авторов увеселительных, забавных и фигурных жарт.

На родство с жартами указывает и введение в повесть *О некоторых двух товарищах* кочующих из одного текста в другой мотивов. Так, например 25 червонцев, обещанные „любителем” жене сапожника – это условная сумма за „амурную услугу” (25 червонных золотых получает купец от трактирщика в „забавной” жарте *О нем же плуте и о купце*¹⁰, известной также в форме лубочной *Повести о купце и шуте и трактирщике с женою*¹¹).

С другой стороны, видно, что автор повести *О дворянском сыне* довольно хорошо усвоил любовную фразеологию петровских повестей и даже любовной рукописной лирики первой половины XVIII в. Оттуда, по-видимому, перекочевали в его сочинение образы Купидона, стрелами, уязвляющего сердца героев, богини Венеры, любовного огня¹² и т.п.

Действие первой повести не локализовано ни во времени ни в определенном месте, хотя многие детали бытового характера намекают на русскую действительность (во всяком случае не противоречат ей), действие второй тоже не локализовано в определенном месте и времени, рассказчик лишь сообщает, что сын французского дворянина Леопольд едет за границу (в иные государства), где влюбляется в некую Марианну. Знакомство с возлюбленной происходит в опере, описание любовных терзаний Леопольда напоминает описания любовных страданий героев так наз. петровских повестей. Обстановка, в которой действуют герои второй повести, отсылает читателя скорее к быту западноевропейских

⁸ Цит. по рукописи Библиотеки Российской академии наук в Санкт-Петербурге, собр. Тимофеева, № 2, л. 14 об.

⁹ Цит. по рукописи РНБ, собр. Титова, № 4781, л. 25 об.

¹⁰ См. там же, л. 41 об.–44.

¹¹ Ср.: Д. Ровинский, *Русские народные картинки. Кн. I. Сказки и забавные листы*, Санкт-Петербург 1881, с. 252–254.

¹² Ср. характеристику любовной фразеологии того времени в работах В. Н. Перетца, *Очерки по истории поэтического стиля в России. (Эпоха Петра Великого и начало XVIII в.)*, „ЖМНП” 1906, июнь, ч. III, с. 390–391 и Г. Н. Моисеевой, *Проблемы становления новой русской литературы*, [в:] *Современная советская историко-литературная наука. Актуальные вопросы*, Ленинград 1975, с. 140.

стран (иностранные имена, французский дворянин). Однако, западноевропейский антураж повести носит чисто условный характер, а многие элементы изображенного мира навязаны, с одной стороны, чтением переводной повествовательной литературы, с другой – обнаруживают довольно большую осведомленность анонимного автора в жизни русского придворного общества аннинского времени. Факт, что знакомство героев происходит в опере, можно интерпретировать как проекцию на литературную канву новых обычаев русской столицы аннинского времени. Известно, что первые оперные представления появились в Петербурге именно в царствование Анны Иоанновны, которая хотела показать, что россияне, как и другие „политические народы”, понимают и ценят этот вид искусства¹³, и поэтому старалась привлечь к нему двор и высшее общество столицы.

Другой, и весьма важной, сюжетной деталью, навязанной, как думается, русским придворным бытом, можно считать вручение возлюбленной героя золотых часов и табакерки. Последняя уже в царствование Анны Иоанновны

становится, – по справедливому замечанию Е. Григорьевой, – средством, контейнером интимной дружеской и любовной коммуникации, [...] вещественным аналогом интимного послания, зафиксированным в вещи контактом¹⁴.

Ср. также самоописание этой функции в *Переписке моды*:

Должность же наша состоит в том, что мы собой отправляем род любовной почты; мы служим потаенно кибиточкою, в которой волокита пересылает свои письма, любовныя бредни и романтические воображения, ибо табакерки многих женщины и девушек учинялись ныне ничем иным как кибиточками любовной почты¹⁵.

При дворе Анны Иоанновны увлекались комедией дель арте (и этому уровню вкусов соответствует первая повесть), и старались посмотреть оперу сериа (с которой можно сопоставить сюжет второй повести).

Контрастное сопоставление двух любовных историй, одна из которых рассказывает о любви чувственной, плотской, покупаемой за деньги, вторая ближе к разряду трагических (заканчивается смертью и обесчещением части героев) снимается сходством развязок. В одном и другом случае герои, пережив добрачные приключения с женщинами, начинают новую, настоящую жизнь с избранницами своих сердец,

¹³ Ср.: М. Ferrazzi, *Итальянская комедия дель арте в России при Анне Иоанновне*, [в:] *A Window on Russia. Papers...*, с. 168.

¹⁴ Е. Григорьева, *Безделушка (философско-семioticские заметки по пустякам)*, [в:] *В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. To honour of professor Yu. M. Lotman*, Тарту 1992, с. 223.

¹⁵ Цит. по: Е. Григорьева, *Безделушка...*, с. 223.

с которыми вступают в законный брак. „Более и от других любви не искали, // Но законных супруг себе достали” – читаем в повести *О некоторых двух товарищах*. Последние строки повести *О дворянском сыне* извещают читателя, что „Леополд, приехав к отцу благополучно, // Сыскал другую невесту и жил неразлучно”.

Как видим, в обоих произведениях настоящая жизнь героев, которые поняли свои ошибки, это счастливая супружеская, семейная жизнь, в которой нет места обману и измене. Правда, она (как в сказке) не показана, но лишь заявлена, что, как известно, является чертой архаических сюжетов. Зато рассказчик, закончив повествование о своих героях, обращается с открытым советом-предупреждением к читателям, которые хотели бы подражать литературным героям, чтобы ни в коем случае не следовали их примеру: „Чего ради от того надлежит опасатца, // Понеже будеш и под оврагом ваятца”.

Предварительную и весьма неполную характеристику стихотворной дилогии хотелось бы заключить надеждой, что публикация текста обеих повестей станет импульсом к их дальнейшему изучению¹⁶.

Приложение 1

О НЕКОТОРЫХ ДВУХ ТАВАРЫЩАХ, КОТОРЫЕ МЕЖДУ СОБОЮ ДРУЖЕСКИ ЖИЛИ

Случилось им обоим вместе быти,
Сапожнику отдавать по паре сапогов шпти,
И усмотрели жену ево краснолицну,
Во всех поступках политичну.
Многими промыслы стали умышляти,
Как бы им ее в любовь достати.
О красоте ея безмерно дивовались,
Сердцами, аки огнем, распаялись.
Разсуждали: „Благополучие бы нам была,
Аще та жена обеих нас возлюбила”.
Один сказал: „Я пойду любви искати,
Не могу ль моем счастьем достати.
Что же от ней ко мне учинитца,
Можеш о том и ты возвеститца”.

¹⁶ Уже после того, как статья была написана, мне удалось обнаружить в рукописи середины XVIII в., хранящейся в ГИМ, (Заб. 500, 4^а), неполный список первой повести под заглавием *О двух товарищах*. Поскольку в рукописи недостает последних листов, трудно сказать, следовала ли за ней вторая повесть или нет.

Пошел к той жене в дом безопасно,
Ибо притти было к ней согласно.
И, пришед, спрашивал: „Где ваш муж пребывает,
Для чего он к нам ныне не гуляет?
Я пришел о том вас болше спросити,
Скоро ли он может сапоги наши шити”. // (61)68 об.
Жена говорит: „Изволите ево мало подождати,
Он пошел в ряд сапоги продавати”.
Любитель: „Государыня моя, не сапоги хоцем шити,
От сердца нашего вас желаем любити,
Видя в такой презрядной доброте,
В цветущей в младых letech красоте.
Не остави по себе в горести нас быти,
Можеш ли хотя мне любовь свою явити?
За что одарением великим одарю,
Вас же моим хвалением возблагодарю”.
Жена: „Как так изволиш говорить смело,
Мне и помыслить невозможно такое дело.
Имено мужа и ево люблю сердечно,
Хощу хранить закон и жить вечно.
Вы же к чему меня ныне склоняете,
Верное наше дружество с ним разлучаете?”
Любитель: „Моя государыня, мне ли любовь открыти,
Или такого гнусного сапожника любити?
Сотвори мое прошение не отменно,
Буду содержать в секрете своем верно.
Вам хотя век свой с ним жити,
Никогда того себе от него не получитьи,
Аз же одарю тя вещми драгоценны,
Толко пребуди в любви своей неотменны”.
[С]лыша жена: „Жаль отменить ваше прошение,
[П]риводиш меня в великое погрешение. // л. 69
Ныне остаюсь вам в любовной надежде,
Чем изволите подарить меня прежде?”
Он же вынев 25 червонцов, ей вручил,
И как приняла, за великое щастие получил.
Приняв, говорила: „Когда печально спознались,
Такоу ж верною любовию обязались.
Прошу содержать оное в секрете,
Я при вас буду в дружеском совете”. –
„Никому не объявлю, кроме моего товарища* вернаго,
От союзнаго с ним дружества не отменнаго.
Он паче меня себя тяшко изнуряет,
Вашей приятной любви видеть желает”. –
„Ах, не хощу слышать моими унесами,
Померкнет мое лобление и с вами.
Разве изволиш непотребноу признавати,

* Испр., в рук.: творца.

Уже хочеш и другога присовокупляти?
 Не узриш моеї любви к себе впрядь боле,
 Чтоб сие творить по вашей воле.
 Аще же друг твой о сем возвеститца,
 Узриш, что над ним сотворитца".
 Любитель: „Прошу оное в противность не вмепить,
 Неумышленно об нем мог вам объявить.
 От сего времени никогда не обявитца,
 С одним со мной прошу любовно обходитца". // 62(69) об.
 Она ж, взяв за руку, с сабой ево повела
 И во особливую комнатку привела.
 И друг друг любовь свою объявили,
 Желаемое себе веселие учинили.
 После приходит к тав[а]рыщу* во всякой смелости,
 Радовался о получении такой веселости.
 „Чего паче всех вещей драгоценных искал,
 Ныне желаемую любовь себе достал.
 Теперь, братец, вы того ищите,
 Иногда своим щастием получите".
 Слыша, товарищ радостно вскочил**,
 К жене той итги поспешил.
 Пришел с респектом***, учтиво сказал:
 „Моя государыня, мой товарищ к вам прислал,
 С которым недавно в компании сидели,
 Свою ж дружески неотменную любовь имели.
 Я хочу вас боле того от себя одарити,
 Прошу таковую ж любовь со мной сотворити.
 Мы совет таковой с ним содержали,
 До вашей любви касатца двоя желали".
 Жена познала верной их секрет,
 Не объявляла ему противной ответ,
 Умыслила, каким видом над ним насмеятца,
 Как бы он о том мог дознатца.
 Обявила: „Сердечно рада такожде услужити,
 Прошу поутру меня посетити. // л. 63(70)
 Се же моего мужа ожидаю домой,
 Без него ж готова веселитца с тобой".
 Он же радостен зело от нее отходит,
 В немалое благополучие себе приводит.
 Обявляет: „Братец, доволен я тобою,
 Скоро сотворит любовь и со мною.
 Уже по ее ко мне приятному совету
 Ведла к себе притги, как мужа нету".
 По отходе ево муж жены спросил:
 „Кто без меня к нам приходил?"
 Жена: „Удивительно, что двоя приходили

* Испр., в рук.: таврыщу.

** Испр., в рук.: выше.

*** Испр., в рук.: с прешпектом.

И вас по паре сапогов шить просили.
Один из них, дурак, стал просить,
Возможно ли мне ево любить.
Я ж под видом «таю» сказала,
Без тебя притти к себе приказала.
Как ваше* о том будет мнение,
Тому любителю, какое объявить любление?"
Муж: „Ежели чем будет дарить, прибирай,
А себя любитца никак не давай!
Про меня скажи: давно-де из дому ушел,
В город до вечера с сапогами пошел.
Лишь бы принес к нам с собою манеты,
Узришь, в какие введу ево лабеты.
Теперь пойду, в чулан схарюнюся,
До приходу ево к тебе не явлюся". // 63(70) об.
Жена: „Изрядно, буду гости ожидать,
Станет в доме нашем нагишом стояти".
Любитель же не знал себе никакие обманы,
Насыпав дома манет карманы.
Пришел к той жене, на стул сел,
Никакого о том сомнения не имел.
„Уж ли к благополучию время сыскал,
Вашего мужа в доме не застал?" –
„Батка мой, извольте всю ночь веселитца,
Муж дни три домой не явитца.
Я, бедная, осталась, не имею надежду,
Хочетца сделать новую одежду.
Не смею вам объявить и вас трудити,
В моем убожестве меня подарити.
Я готова исполнять вашу волю,
Ни в чем пред вами не спорю".
Без шету ис карманов манеты вынимает,
С великою радостию ей вручает.
За что ево благодарила, всячески миловала,
Обняв руками, приятно целовала.
Любитель же тем не веселитца,
Просит покою, где ему ложитца.
Она ж, указав перстом: „Вот на сей моей кровати
Извольте со мной ныне начевати, // л. 64(71)
Вместе ляжем, руками обоймемся,
А поутру, встав, чаю накушаемя". –
„Опасно мне, в сумнении нечто стал,
Муж бы ваш меня не застал".
Полна, государь, имей на меня надежду,
Безопасно скидай с себя одежду".
Неопасно ляжет, о том не сумневетца,
В одной рубашке, без партков ваяетца.
Видя жена, якобы пошла двери запирати,
И об нем мужу своему сказати.

* Испр., в рук переписано дважды.

Лежа на постели, говорит: „Что не изволишь раздеватца?“ –
„Пожалуй, мой государь, дай убратца.
Не спеши, ночь велика, вместе наспимся.
Дружески с тобой оба повеселимся.
Нарочно для того на двор сходила
И ворота запором крепко заложила.
И когда муж домой поспешит,
Скоро не отопрет, в ворота постучит“.
Между теми разговорами муж застрачал,
Великим стуком нарочно застучал,
Кричит: „Жена, отпри мне ворота,
У тебя, каналия, нет о том заботы“.
Любитель: „Ах, беда, беда, куда деватца,
Пребезмерно стал ево пужатца“ // 64 об. (71 об.)
Жена: „Свет мой, куда отсюда убежиш,
На сей кровати никак не улужиш.
Ах, как так неопасно учинили,
Явно сами себя* от того** погубили.
Скинь рубашку, в углу нагишом прижмися,
Стой лиш крепко, не шевелися.
Я мужу знаю о тебе как сказать,
За глупостию своею не может признать“.
Вскоча с постели, уже не страшился,
На стуле в углу сам становился.
Жена бегаёт под видом, где деватца,
В страхе великом могла испужатца.
Муж вошел сердит: „Аль ты опачивала,
По се время мне ворот не отпирала?“ –
„Виновата, сударь, маленько отдохнула,
Еще тому и минуты не минуло“ –
„Збирай же на стол, небось никто не сведал,
А я почти и вчерась не обедал“ –
„Государь мой, нет иных слатких вещей,
Кроме как с мясом шей“ –
„Что ж болше, то и еда вить наша,
Как с маслом есть каша“ –
Будет будго как ши хлебать,
А на того любителя нагова взирать // л. 65(72)
И закричал: „Ах, что такое за чудо,
Скажи, жена, взяла ты откуда?“
Жена: „Вить нет никакого обмана,
В сад купила алебастроваго болвана.
Знаеш сам, в саду статуи нету,
А ныне время наступает к лету“.
Муж: „Хорошо, надобно красками расписать,
Он пригоже гораздо будет стоять.
Потружусь над ним, мое дело,
Так наведу, как живое тело.“

* Испр., в рук. переписано дважды.

** Испр., в рук.: бремя.

Еще удосужусь другими делами,
Позолочу ево золотом местами.
Когда б мне товарища другога,
Устроить можно как живова".
Взяв нож: „Постой-ка, надобно мне ведать,
Мяжок ли алебастр, вожем отведать".
И хочет нарочно ножом хватить,
Нагой, испужався, принужден вскочить.
Побежал, хотя ему и обидна,
А паче от многих людей стыдна.
Сапожник смеется, побежал з барышнем,
Не устыдился бедной и нагишем.
Тако з женою своею догадalisя,
Любителей мундир и манеты остались. // 65(72) об.
Прибжевав нагой домой, стыдился,
Товарищу отдать поклон почтисся.
„Благодарен, братец, тобою на амуре,
Видиш, в какой я стал фигуре?
Счастие послужила и случай благ,
Радуюсь, как едва ушел наг.
Сапожникова жена меня обманула,
Едва моя жизнь ножа не минула.
Манеты и одежда там остались,
Таково лукаво о всем догадalisя.
Дивлюсь, Фартуна вам послужила,
Как вас вскоре так возлюбила.
Однако ж и тем не может отогнати,
Стану еще случая искати".
Товарищ: „Ах, мис сие удивительно
И такое ваше посмешество мнительно.
Пойду сам, над ней явно насмеюся,
Моего ж брата и друга не лишуся". –
„Ах, братец, я того сам не упущу,
Мою реванжу на ней скоро същю.
Ведаю ныне, очянно мне стыдно,
После ж не было б и вам обидно".
Товарищ: „Не от меня то себе получил,
Я того зла вам творить не учил. // 66(73)
В том состоит твоя воля,
Знать, такая пришла доля.
Я прежде о вас старался всяко,
Не мог к любви склонить никакo.
Тем я пред тобой виновен явился,
Что прежде объявить не почтисся".
Товарищ: „Ну, братец, изволь у ней пребывати,
А я вас стану в дому ожидати".
Прежде бывшей же любитель к ней пришел
И в доме одну ее нашел.
И говорила, что долго не бывал.
Обявлял ей, яко „присылки ожидал,

Нынче же сам пришел посетити,
Не могу вашей к себе любви забыть". –
Благодарна, мой свет, секретно поступаеш,
Почто о том товарищу своему объявляеш?"
Любитель: „Не вем, я с вами верно обязался,
Он же своим умышлением догадался".
Жена: „Добро, впредь не будет отсюда ходити,
Едыным часом почтылась отлучити,
Аще же ваш секрет не отменятца,
Прошу, изволте паки со мной веселитца".
Любитель: „Рад бы с вами продолжительно посидети,
Да немалое сумнение в сердце могу имети. // 66(73) об.
Егда муж твой застанет с тобою,
Но не милостивно поступит со мною.
Прошу прощения, хотя вам в том я скучно,
Прииду в другое время, оставайся благополучно".
Жена: „Соболезную о вас, яко отходиш прочь,
Не оставь своим посещением в полночь.
Истинно, нарочно буду к себе ожидать,
Можно, хотя на малое время, побывати.
Радостное учинятца нам время(!),
Не будет мужа дома в то время".
Любитель: „Вашего прощения не забуду,
Неотменно в полночь посетити буду".
Пришед к товарищу своему, объявил,
Что у той своей любительницы был,
„Великую приятность ко мне имела,
В полночь посетить себя велела".
Выслушав тот ево речи, остался в надежде,
Умыслил вместо ево уйти прежде.
Как стала полночь наставати,
Пошел еще своего счастья искати.
Разсуждал: „Либо смех могу отомстити,
Или уже вовсе живог лишити".
Тихо у той жены х кровати стал,
Спящу одну ее застал.
Осмелясь, в темноте искусно говорил,
От того сна, ощулав рукою, будил. // 67(74)
„Лапушка моя, встань, разверзи очи,
По твоему совету пришел о полуночи.
Пусти лечь на кровать подле себя,
С радости насылу добежал до тебя.
Не хотя прозбы вашей отменитьи,
Охотно пришел нынче посетити".
Она ж думала ото сна в той надежде,
Любитель пришел, кого звала прежде.
„Спасиба, сударь, в тот час пришел,
Лиш тепер муж со двора сошел".
И ляжет с нею на постелю опочивати,
Никак не могла ево признати.

Токмо с нею хотя веселитца,
А приходу мужина зело страшитца,
Опасаясь вторично в беду не попасть,
Как прежде была на него напасть.
Объявил ей: „Друг мой, в твоей воле,
С тобою не могу лежать боле”.
Она ж: „Благодарна за ваше посещение,
Сие принимаю за великое почтение.
Дарую вам с ручки моей кольцо золотое,
А впредь могу презентовать не такое.
Посещай меня, не буду тебе с отказом,
Подарю вам перстень с алмазом”. // 67(74) об.
Любитель: „Полна, государыня, за сие, чем мне служили,
Впредь и я готов вас также дарити”.
Поцеловав, отходит в великой потехи
За учивенные над ней такие смехи.
Товарыщ спрашивает: „Где ты побывал?”
Он сказывает: „От печали моей погулял.
Что вы не изволите итти к ней побывать,
Вить она в полночь хотела ожидать?” –
„Пойду, братец”. И, пришед, застал спящу,
Якобы от великой болезни лежашу,
Ибо с прежде бывшим любителем забавлялася,
Того ради так проста разметалася.
Неопасно толкает: „Что за сон нашел,
Уш полночь настала, я пришел”.
Пробудилась, говорила: „Вам потешки,
И ты надо мной строиш насмешки.
Кого сердечно хощу возлюблиати,
Оной же стал явно искушати.
Сей мамент с постели сошел,
Да будто бы и опять ко мне пришел.
Звать я вы захотели того достати,
Отсюда вон нагишом бежати.
Оное учинить недолго, ежели я захочу,
Узриш скоро, тепер же людем закричу”. // 68(75)
Любитель: „Полна, моя, опозналася,
Разве вам оное во све казалось?
Напрасно плевелы все валиш на меня,
Я кроме сего часа не бывал у тебя”. –
„Перестань, сударь, иль я не помню, что говорила,
С руки своей золотое кольцо подарила”.
Любитель: „Ах, конечно, товарыщ приходил,
Над вами же таковое безчестие учинил.
Как можно, надобно изыскати
И такое посмеятелство познати”.
Жена: „Сумневатца корпус мой весь,
Ты ли ныне предо мной здесь
Или подлинно вижу привидение?
Приводиш меня в великое сумнение.

Быть сему делу тако,
Не могу применить инако.
Ляг, до утра со мной веселися,
А сие умышление проискать подцися".
Как же вместе оба забавлялися,
Крепко отягчилися и сном заспалися.
Уведая о том товарыщ, побежал,
Того сапожника на рынке сыскал.
Говорил: „Помниш ли, как я у жены твоей был,
Ты же меня нагова гонил? // 68 об. (75 об.)
Я ж на то на тебя не осердился
И ныне на ползу сказать почтился.
Поди домой скорее, с кем жена твоя лежит?
С моим товарищем спит.
Разбуди жену, пришел твях,
Не зделай ей в том лиха.
Скажи: »Я пришел по той надежде,
Любитель твой, что был прежде".
Сапожник: „Винювен я в том пред тобою,
В то время так учинил с тобою".
Отстав от него, тихо в дом пришел,
Того любителя спяща нашел.
Почтился жену тихо будить,
Дабы нечаянно вскоре не устрашити.
Она ж, пробудясь, схватила за руку: „Кого желала,
Что явно теперь понимала,
Вот я реванжу скоро свою сыщу,
Дай-ка мне лиш зажечь свещу".
Мнила, тот же паки пришел искушать,
Всячески держа за руку, стала поспешать.
Муж: „Пожалуй, не зажигай, и без свечизираю,
Теперь-та твои уже пакости знаю".
Взял любителя, бив болно, связал, // л. 69(76)
Платье и деньги ис карманов себе взял.
И, вымазал нагова с маслом сажею, з двора гонил,
Впрогонку линком по спине бил.
Видя, многие люди за ним бежали,
С великим бесчестием по улице гнали.
Добежав до двора, товарища стыдна,
Однакож рассудили, обем стало незавидно.
Получили себе утечи драгие,
А учинились оба вместе нагие.
Сапожник же того в забвении не оставлял,
Жену свою болна штрафовал.
Онне ж ево два товарища о себе дивились,
Как в таком стыде явились.
Друг друга хотели в обман вести,
Принуждены неразлучно на себе стыд нести.
Более и от других любви не искали,
Но законных супруг себе достали.

О ДВОРЯНСКОМ СЫНЕ

Во Франции был некто знатны дворянин,
А при нем наследником сын толко едия,
Ему же имя Леополд нареченны,
Пред многими дворяны находился почтенны,
Которой достиг совершенных лет,
Изучился многих наук, произшедших в свет.
При отце своем не желал пребывать,
Отпросился в другие государства гуляти,
Где приобрел без всяких притчин
Славной кавалерской себе чин.
Приняв от отца благословение, простился,
С рабы своими скоро отехати почтился.
По отпуске он приказывал, как обходитца,
В ьных градах с честными людьми водитца.
Приехал в ьное государство, по тамошнему манеру
Наел зело богатую квартиру,
Ибо многое число богатства имел,
Тратить для своей славы не желел.
Со иностранскими завел компании,
Всякий день великие у него собрания.
Уже объявить можно генерално,
Жил тамо велми славно. //
Случилось некогда на опере быти,
С тамошним шляхетством себя веселити,
Где была того города девица Марьяна,
Велми красотою своею сияла.
Из других дам ни единой такой не находилось,
Пред всеми на опере славна явилась.
Узре Леополд, ничем не веселился,
Токмо зрением на лице ея дивился.
Разсуждал: „Ничего себе более не желал,
Аще сию девицу* в любовь достал”.
Единым маментом любовию себя узвил,
А к тому Купида стрелою сердце прострелил.
Не знал, как конца оперы дождатца,
Без пламени сердце стало разгоратца.
А она девица одного куца возлюбляла,
А протчих славных дворян испровергала.
Доволно от ней любви искать покушались,
Но от нее посмеятелюю смертию лишались.
Леополд же сих коварств не знает,
Всякими мерами любовь искать жаелает.
По окончании оперы стали выходить,

* Испр., в рук.: девицу стрелою.

Не случилось никому Мариану проводить.
Вышел, хочет в корету садитца,
Леополд, взяв за руку, при ней становитца //

И говорил: „Не прогневал ли вас такою смелостию,
Яко поступил к вам з дерзостию?
Надеяся на ваше особое милосердие,
К посажению в корету возымел усердие.
К тому ж я человек иностранны пребываю,
Здешнего обхождения и политики не знаю.
Не усмотрел других, кроме меня нету
Посадить вас, мою государыню, в корету”.
Мариана с великим комплиментом благодарила,
Прося его с собой, в корету посадила.
Привезши в дом, учтиво приняла,
О ево посещении в веселии была.
Скоро кушать велела собрать,
Достойную Леополду честь воздать.
А все творила под видом лукавства,
Мысля учинить ему препятства.
Леополд же сердцем горит любви искати,
Надеется неотменно скоро достати.
Видя от ней трактирование довольное
И во многих разговорах к любви склонное,
Весь день тамо себя веселил
И золотые часы и табакерку подарил.
Не жалел никакого своего имения,
Искал от Марианы вернаго лобления. //

Окончав веселие, Мариана говорила,
О своем имени ему объявила:
Мой государь, не могу вам чем услужить,
Какую изволили приятность явить.
Не признав моей заслуги, приятен явился,
Так меня проводить не обленился.
Вам, такому квалеру, и непристойна,
Что я, последняя девка, тому недостойна.
Вы же человек иностранны пребываещ,
Не по моей мере любовь являещ.
Ни от кого так почтенна не бываю,
Единого вас за приятность признаваю.
За ваше ко мне благосклонное приятство,
Чем возмогу отдать благодарство?
Не вем и недоумеваюсь служить боле,
Вся ныне состою в твоей воле”.

Леополд: „Честнейшая Мариана девица,
Веселое зрение, очей моих зеница!
Не желаю услужения от вас искати,
Прошу толко высокую любовь казати.
Угаси во мне огонь по тебе возжеяны,
Зря на тя на опере пораженны.

Совесть моя не может сего утаити,
Дабы моей тайности вам не объявити. //
Я имею такую горячность несносную,
Готов за тя понести язву смертоносную.
Токмо от любви вашей не был отлучен,
Но яко верный лобитель к тому допущен,
За что пред вами покорен являюсь,
Во всем в твою волю вручаюсь.
Буди ваши ко мне любви приятны,
Я французский дворянин, Леополд знатны,
Нарочно для вас родителя лишился.
И благосклонней любви искать дщился.
Ежели же от той любви ныне отрешите,
Сим, конечно, сего света лишите".
Услыша Марияна, яко от великой горячности,
Объявила ему с немалой радости:
„О, дражайший свете мой, верны Леополд,
Возвращенный в моем винограде плод!
Отколь ты зрю, моего нечаянного света,
Процвете розан благовоны посреде лета.
Не чтилась к произращению ево доброте,
Се же, зрю, пред моими очи процвете,
Обоняют мя благовонием и красотою,
Ничем не увеселяюсь, как тобою.
О, богиня Венера, ты любовь сыскала,
Сына своего Купидона к нам прислала. //
Запалить стрелою сердца горящия,
Друг з другом любовь творящия,
Которая явно с Леополдом возгараетца,
Неотменно верным секретом утверждаетца.
О приятнейшии Леополде, любовию твоею довольна,
По твоему желанию во всем склонна,
Токмо прошу заутро посетити,
Могу всю приятность вам открыти.
Приди, моя радость, ни в чем несумненно,
Не узриши от меня ничего отменно.
Я бы твое сердце ныне готова угасити,
Но никак не можно того учинити.
Скоро придет сродник, скоро начевать ко мне,
И сего ради нет случаю быть при мне.
Поутру надобно поступати,
Обявлю о том, изволте досконально знати.
Вышущу ис полат полотно, догадайся,
Пришед, прямо за него хватайся
И тяни, дабы я о том знала
И вас к себе в полаты таскала.
Сего умышления не можно признати,
В то время будем себя увеселити".
Леополд, слыша, радовался пребезмерно,
Полагал надежду, то учинитца верно.

Говорил: „Радости утеха, Мариана веселящая, //
Сим угасаш сердце во мне горящее.
По речению вашему никак не отменюся,
Утре к твоим покоям притти почтуса”.
И с тем отехал в свой дом, не спал,
Со всяким благополучием утра дождал.
По отходе Леополда ис полат воп
Приходит купец Редор отдать поклон.
Учтиво руки Мариановы целовал,
Приятные к ней мины объявлял.
„Не прогневайся, госпоже Мариана, на нас,
В непосещении давно отстал вас.
Был у моего приятеля при компании,
Винювен в том нахожусь пред вами”.
Мариана: „Винность ваша оставляетца,
Моя ж приятность никогда не отменяетца.
Слыши, друже мой, Редоре любезны,
Во всяких случаях мне полезны:
Какою любовию с тобой обязались,
Много лет в верности познались.
Моя тайность в тебе утверждена,
Твоя ж крешко во мне возженна.
Обявлю вам о себе такую притчину:
Был у меня гость дворянского чину.
Видя на опере, сердечно влюбился,
По выходе в корету посадить почтился. //
Я ж для отдавания чести привела с собою,
Он же желает иметь любовь со мною.
Когда я твою приятность отменяла,
Другим всякие мины под видом сказала.
Уже довольно любви моей искать дшились,
Не получа оной, живота лишились.
Сему ж дворянину поутру приказала быти,
Надобно ему, как и протчим, учинити.
Когда с ним полотно втащим повыше
И ножом обрежем, опуститца пониже.
Вот моя любовь к нему явитца,
На том же месте мертв очутитца”.
Редор: „Дивлось, откуда такие являютца,
Сами на пагубу обращаютьца.
Как протчим обыкли творити,
Сему ж искателю любви надлежит то ж учинити.
Почтамся ожидать онаго под окно,
Уж у меня давно выпущено полотно”.
Леополд же поутру, имея на то надежду,
Убрав себя в богатую одежду,
Взяв с собою своего слугу вернаго,
Повеления его исполнять ни в чем неотменяго.
Идет путем, радуясь, веселяся,
Не уныл и никак не устрашася.

Слуге говорил: „Я тебя люблю давно, //
Ведай мою тайну: я полез в окно
Для некоторой девицы, ся же люблю тайно,
Кроме тебя ж иному не было явно.
Сей же дом впредь ты знай,
А меня у сих полат ожидай”.

Услыша слуга: „Милостивый мой господин,
Аще меня жалуеш и верен я один,
Прошу послушать моего совету:
Сие дело давно есть в примету.
Любви от той девицы себе не найдеш,
Но токмо в смертную погибель попадеш.
Многих, как вас, под видом возлюбляет,
Опосле же смертию тех погубляет.
Имеет одного любителя вернаго,
Редора купца в верности неотменнаго.
Согласно с ним полотно выпускают,
Кто ж полезет, обрезав, отпускают.
Ежели неправдиво вам объявлю,
За оное сам себе смерти повергаю”.

Слыша то Леополд, остановился,
О словах слугинных безмерно дивился.
Как не можно за истинну признати,
Мнил верно любовно стала поступати.
„От сего время не слугою тебя признаваю,
Аще истинна, за велика друга почитаю. //
Что ж мне учинить, того не знаю,
Но и ввидше себя в печаль повергаю”.

Слуга: „Извольте к полотну камень привязати,
Они будут тащить, не могут признати.
Когда ж отрежут, подумают, бы упал
И на том месте вовсе пропал”.

Леополд тихо камень привязал за полотно
И тотчас затряс полотно.
Редор же и Мариана на том радостны были,
Наверх весьма скоро потащили.
О втащени повыше проведали
И скоро полотно ножом отрезали.
Камень упал, стукнул громко,
А Леопольд нарочно охнул звонко,
По чему они известны были,
Яко бы Леополда до смерти убили.
Редор с Марианою, веселясь, забавляетца,
Говоря: „Никак наш гость пьян ваялетца.
З глудости полес в окно, как вор,
Не зная того, что здесь Редор”.

Леополд же спрятался в удобное место,
О нем бы про то никому неизвестно.
Ждет с Редором повидатца,
Как он станет по полотну спущатца, //

Куда вадлежит Леополда прибрать,
А богатую одежду с него собрать.
Редор смеялся: „Полесть бала к Леополду,
Посмотреть, как ударила ево по лбу.
Некому о нем бедном потужить
И живучева пластыря приложить.
Дурак, не осматрясь, полес в окошко,
Чаятельно лежит, как ушибленная кошка”.
Выставя ноги, по полотну спускаетца,
С Марьяною любително прощаетца.
Долазит, хочет ногами стать,
Лополд поспешил к тому прибежать
И шпагою обнаженною сильно ускорил,
Редора по самой ефес провзил.
Учня скоро то, домой побежал,
Дабы кто ево тут не узнал.
Радостен, яко без великого здору,
Учинил нечаянно смерть Редору.
Марьяна ж, вышед, думала, Леополд лежит,
Ажно Редор до смерти убит.
С великого страху, пад на него, кричала,
Нестерпимо громко слезы проливала:
„О лобезнейший и верный друг, Редоре,
Почто мя оставил в таком горе? //
Кто тя отлучил от меня, друга лобезна?
Теперь жизнь моя в свете неполезна.
С тобой лягу во едином месте,
Ты тайность сердца моего весте.
По смерти товарищем тебе не отрекуся,
От своей верной к тебе любви не отменюся.
О, злое несчастие, Марианы сокрушила,
Отколь неблагополучие такое поспешало.
Аще бы могла про сие знати,
Како из окна по полотну спустати,
Сама я тому делу виновна явилась,
Леополда* сим уязвить дщилась.
Се же Редор вместо ево убит,
Что могу, бедная, о том говорить.
О, злострадная Мариана, как так учинила,
Явно своего друга Редора погубила.
Един был лобезен по моему нраву,
Кто ти поднес смертную отраву?
Прими мя, любительницу, в смертные руки,
Утоли сердца моего печальные скуки.
Прими, жених мой обрученны,
Не буди по смерти от мене отлученны.
Прими свою невесту к себе лобезную,
Учини ко мне радость полезную. //

* Испр., в рук.: Неополда.

Не отиду от тя в печалех сих,
Ты любезнейший в свете жених.
Оставил в горести любезную свою невесту,
О смерти твоей быть так неизвестну.
Како пороль утвержденной испровергаеш,
И в такой бедной горести меня оставляеш?
Не объявил о себе ты мне прежде,
А я осталася в той надежде.
Чем я виновна пред тобою?
Разлучастца злою смертию со мною.
Я ли тайности твои не содержала
И никому кроме вас, друга, не объявляла.
Ты же оставил препровождать горестно,
Повежд ми, Редоре дражайший, совестно.
Обяви виновность мою пред тобою учиненцу,
Зря от себя быти отлученцу.
Лутче б в свете была не рожденна,
Нежели такую печалию пораженна.
Осталася в повошении моя красота,
Померкла честь и девическа доброта.
Прости, свет очей моих разлученны,
Неблагополучные времена получены.
Прости, жених мой, украшенны,
Любезной своей невесты лишены. //
Прасти, неслышания мои к тебе гласы,
Отвергли то неблагополучные часы.
Не зрят мои очи в красоте цветущаго,
Верна друга и приятеля сущаго.
Не осяжи (!) руки любезно прятяи,
Радостно сердцем поклон отдади.
Минулись сладких устен твоих целование,
В садах и режжерях веселое гуляние.
Те радости и утехи отменялись,
Во един гроб с тобой вселились.
Отсель бедная Марьяна буду страдати,
Не хошу кроме вас жениха искати!"
Поплакав о Редоре, пошла в полаты паки,
Опасаясь понести на себе знаки.
Редора ж велела верным своим отвести,
Потаенно в удобном месте погresti.
О Леополде ж мнила, якобы убит,
Конечно Редора другой почтился уязвить.
Случилось ей после в кирку приехать,
А Леополд мог о том проведати,
Пришел, учтиво отдал поклонение
И за изьявленную милость благодарение.
Марьяна ж думала, он того не знает,
С респектом противу ево объявляет*. //

* Дефект, в рукописи нет 1 листа.

И немалое пасрамление учнил.
От чего Марьяна всегда была в поношении
И девической чести лишени.
И тако от того век свой препровожала,
Из дому своего никуды не выезжала.
А Леополд, приехав к отцу благополучно,
Сыскал другую невесту и жил неразлучно.
Чего ради от того надлежит опасатца,
Повеже будеш и под оврагом ваялтца.

Eliza Malek

**HISTORIE O RÓŻNYCH OSOBLIWYCH I MIŁOSNYCH PRZYPADKACH
NIEZNANA DYLOGIA WIERSZOWANA Z DRUGIEJ POŁOWY XVIII W.**

W artykule po raz pierwszy zaprezentowano dwa dotychczas nie znane utwory literatury popularnej XVIII w. z rękopisu Rosyjskiej Biblioteki Narodowej w Sankt-Petersburgu: historię *O dwóch towarzyszach* i opowieść *O szlacheckim synu*. Napisane rajosznikiem utwory otrzymały tytuł: *Historie o różnych osobliwych i miłosnych przypadkach*, akcentujący tematyczne i ideowe pokrewieństwo tekstów. Na tym etapie badań nie sposób jeszcze odpowiedzieć na pytanie, czy obie „historie” wyszły spod pióra jednego autora (na co wskazywałby sposób „tworzenia” tekstu, wyzyskujący popularne wątki i motywy, a nawet mniej czy bardziej spetryfikowane formuły słowne wierszowanych żartów, intermedii itp.), czy też owa wierszowana dylogia została skomponowana przez kogoś z kopistów-redaktorów.

Już dzisiaj jednak można wskazać źródła pomysłów fabularnych twórcy (czy twórców) obu historii (facecje, żarty, intermedia i romanse miłosne) i określić osobliwości warsztatu artystycznego autora (autorów), który wykazuje jaskrawe podobieństwa do manieri twórczej anonimowych autorów „zabawnych” żartów i intermedii sceny popularnej.

Integralną część artykułu stanowi publikacja tekstów obu omawianych utworów.